

ВОСПОЛНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ ГУМАНИТАРНОГО СОДЕРЖАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Гуманитарное содержание уголовного законодательства составляют, во-первых, нормы, охраняющие прежде всего законопослушных граждан, их права и свободы, в том числе от преступлений, а во-вторых, нормы, охраняющие права и законные интересы лиц, провинившихся перед обществом, вступившими в конфликт с уголовным законом. Лица, совершившие преступления – не вне закона. Как и любые другие лица, они обладают всей полнотой право в части охраны их законных интересов от преступлений и иных правонарушений.

Внимательное изучение уголовного законодательства позволяет прийти к выводу о том, что его гуманитарное содержание – все еще не отработано, характеризуется множеством пробелов. К тому же, проблема восполнения пробелов в гуманитарном содержании уголовного законодательства, к сожалению, еще не привлекает к себе должного внимания исследователей. Последние больше интересуются вопросами, находящимися на поверхности данной проблемы, в том числе касающимися стабилизации правопорядка, повышения эффективности уголовно-правовых норм, частоты их применения, коэффициента раскрываемости преступлений и др. В связи с этим основное содержание высказываемых юристами-аналитиками предложений направлено на *расширение* сферы уголовно-правового реагирования и на *повышение* его строгости. Но, как показывает опыт практической уголовной политики, путь этот – тупиковый. Ставка преимущественно на силовые методы *не приводит* к ожидаемым результатам. Поэтому там, где это возможно, наказания должны все же смягчаться – даже, может быть, в условиях некоторого обострения криминальной обстановки. Другое дело, что в этом случае необходимо активизировать усилия по осуществлению соответствующих предупредительных мер.

К такой «линии» обязывает общее гуманитарное предназначение права, прямо вытекающее из ст. 2 Конституции РФ, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью. Защищая человека, его права и свободы от правонарушений, закон должен «думать» и о тех людях, которые совершили правонарушения – с тем, чтобы не переусердствовать (в своем «праведном гневе»), не «пережать» или, как говорят, не «перегнуть палку». Иначе и человек не будет надежно защищен, и правопорядок не станет прочнее. Прошло то время, когда считалось, что «чем больше расстреляем... – тем лучше...». Сегодня стало совершенно очевидным, что чем в большей мере криминализировано наше население – тем, конечно же, становится хуже. И дело здесь заключается не только в том, что «тюрьмы не лечат, а калечат», но и в том, что увеличение численности криминализованного населения (особенного населения пенитенциарного, «тюремного») существенно ухудшает и без того неприглядное морально-нравственное состояние нашего общества. Совершившие преступления люди вроде бы не уходят в «небытие», но их реальное «бытие» становится крайне непривлекательным. Ведь каждая исправительная колония, несмотря на значительные усилия и большие средства, затрачиваемые обществом на ее содержание, в силу только одного того факта, что в ней собирается вместе множество криминализованных лиц (до тысячи и более), вольно или невольно превращается в своеобразную «школу преступности», в «форму повышения квалификации» осужденных, в фактор пополнения и углубления их и без того довольно внушительного криминального опыта.

Надо внимательнейшим образом посмотреть, где можно без ущерба для правопорядка смягчить участь оступившихся в жизни людей, или, может быть, даже вообще отказаться от использования уголовно-правовых средств. В свете сказанного представляется целесообразным осуществить, в частности, следующие законодательные преобразования.

А. Пробелы в нормах Общей части уголовного законодательства

Необходимо, в частности, более четко сформулировать в части первой статьи второй Уголовного кодекса РФ задачи данного Кодекса. Это может

быть сделано, например, в следующем виде: «Задачей Уголовного кодекса Российской Федерации является охрана от преступлений важнейших ценностей жизни, а именно человека, его прав и свобод, экономического, общественного и конституционного порядка, мира и безопасности человечества. Настоящий Кодекс имеет своей задачей также предупреждение, предотвращение и пресечение преступлений». Предпочтительность предложенной формулировки состоит, в частности, в том, что она более компактна и более понятна тем, кому уголовное законодательство в первую очередь адресует свои требования.

Часть первую статьи 13 УК РФ предлагается изложить в таком виде: «Граждане Российской Федерации, *а также постоянно проживающие на территории Российской Федерации лица без гражданства, совершившие преступления за рубежом, в том числе против интересов другого государства,* не подлежат выдаче» (здесь и далее курсивом выделены предлагаемые к включению в закон слова). Данное предложение продиктовано чувством заботы, во-первых, о постоянно проживающих на территории России лицах без гражданства, а во-вторых, о российских гражданах, которые не должны выдаваться не только «этому» (как сказано в ст. 13 УК РФ), но и любому иному государству.

Статью 15 УК РФ имеет смысл дополнить частью шестой следующего содержания: «Запрещенное уголовным законом деяние, в отношении которого принято основанное на законе решение об освобождении совершившего его лица от уголовной ответственности, именуется уголовными проступками. Лица, совершившие проступки, могут быть подвергнуты таким мерам уголовно-правового воздействия, как порицание, предупреждение или надзор. Они также могут подвергаться взамен уголовного наказания наказанию, налагаемому в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях за сопоставимые деяния». Реализация внесенного предложения, несомненно, сузит сферу судебной практики, ориентированной преимущественно на лишение назначения лишения свободы.

Статью 20 УК РФ предлагается дополнить частью четвертой следующего содержания: «Лица, совершившие запрещенные настоящим Кодексом деяния, в возрасте, не допускающем уголовной ответственности, но все же позволяющем осознавать опасность совершенных ими деяний, могут быть подвергнуты порицанию, предостережению или надзору, являющимися мерами общественно-правового характера, или направлены в специализированные воспитательные учебные заведения». Именно так («специализированные воспитательные учебные заведения») предлагается именовать учреждения для малолетних «правонарушителей».

Часть вторую ст. 21 УК РФ лучше изложить в такой редакции: «Лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости *и нуждающемуся в лечении*, могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные настоящим Кодексом». Понятно, что деяние, совершенное лицом, признанным невменяемым, не может рассматриваться как общественно опасное, так как общественная опасность – это свойство исключительно преступлений. И принудительные меры медицинского характера должны применяться только к тем невменяемым, которые по состоянию своего здоровья нуждаются в этом.

Статью 22 УК РФ предлагается изложить в такой редакции:

«Статья 22. Уголовная ответственность лиц *с легким* психическим расстройством, не исключающим вменяемости

Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления *находилось в состоянии легкого психического расстройства, не исключающего вменяемости, привлекается к уголовной ответственности, но при назначении наказания данное обстоятельство учитывается как смягчающее, а лицу, нуждающемуся в лечении, могут быть назначены принудительные меры медицинского характера*». Без указания в уголовном законе о смягчении участи больных и без ссылки на зависимость применяемых к ним принудительных мер лечения от характера заболевания данный закон воспринимается как не разборчивое, «слепое» средство решения проблем правопорядка.

Статью 23 УК РФ рекомендуется изложить так: «Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных или других одурманивающих веществ, *и признанное вменяемым*, подлежит уголовной ответственности. *Если состояние опьянения лица свидетельствует о более низкой степени вины лица, то назначаемое ему судом наказание должно быть смягчено, однако не в такой мере, чтобы принятое решение воспринималось общественным мнением как попустительство преступлениям, совершенным в состоянии опьянения*». Понятно, что состояние опьянения не только не «прибавляет ума» человеку, но напротив – «убавляет его», причем порой весьма существенно. Игнорировать данное обстоятельство, конечно же, нельзя.

Часть вторую статьи 26 УК РФ предлагается сформулировать в редакции: «Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований *и при отсутствии ситуации, которая состояла бы в несоответствии психофизиологических качеств лица требованиям экстремальных условий и (или) его нервно-психологическим перегрузкам*, самонадеянно рассчитывало на предотвращении этих последствий». Реализация данного предложения позволила бы более отчетливо провести в уголовном законодательстве линию, отделяющую виновное поведение от поведения невиновного.

Статью 27 УК РФ целесообразно изложить в такой редакции:

«Статья 27. Преступление, совершенное с двумя формами вины

Преступление признается совершенным с двумя формами вины, если оно совершенно умышленно, но вина в отношении предусмотренного в качестве квалифицирующего признака общественно опасного последствия выражается в форме неосторожности. Умышленным такое преступление признается лишь в основной его части». Данное предложение вызвано необходимостью избежать той усложненной законодательной конструкции «двойной» вины, которая наблюдается в нынешней редакции анализируемой нормы.

Статью 28 УК РФ важно дать в следующей редакции:

«Статья 28. *Деяние, совершенное невиновно*

Деяние признается совершенным невиновно при отсутствии вины, то есть умысла или (и) неосторожности». Аргумент в данном случае – тот же самый: стремление избежать неоправданно сложной законодательной конструкции.

Статью 29 УК РФ важно было бы дополнить частью четвертой следующего содержания: «*Сами по себе намерения, даже если они выражены словесно, не наказуемы, если, разумеется, словесное их выражение не дополняется действиями, образующими состав какого-либо преступления, в том числе такого, как, например, уголовно-наказуемая угроза, преступные призывы, подстрекательство, пособничество, склонение к совершению определенных действий, клевета или оскорбление*». Такое положение служило бы дополнительной гарантией того, что возврата к состояниям, характеризваемым в народе как «Был бы человек – статья найдется» (вариант: «Закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло»), нет.

Часть пятую статьи 33 УК РФ предпочтительно изложить так: «Пособником признается лицо, способствовавшее совершению преступления». Попытка перечислить в законе *все* виды пособнических действий не может быть удачной. Да она, собственно, и не нужна, так как уголовное законодательство не может быть *зеркальным* отражением криминальных действий. Он есть их лишь *типизированный образ*, не позволяющий криминальным элементам использовать уголовное законодательство в качестве «пособия» по вопросам содействия совершению преступлений.

Главу 8 УК РФ представляется целесообразным дополнить статьями 42¹, 42², 42³, 42⁴, 42⁵, 42⁶ и 42⁷, которые предусматривали бы соответственно такие обстоятельства, исключающие преступность деяния, как исполнение закона, исполнение законного решения, осуществление профессиональных обязанностей, осуществление своего права, исполнение гражданского долга, условия военного времени или боевой обстановки, согласие пациента на проведение

сложной хирургической операции, благоприятный исход которой не может быть гарантирован на все сто процентов.

Часть вторую статьи 43 УК РФ – изложить так: «Наказание применяется в целях восстановления *нарушенной преступлением справедливости*, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений – *как осужденным, так и другими лицами, которые в условиях безнаказанности могли бы их совершить*».

Настала пора пункт «н» статьи 44 УК РФ и статью 59 УК РФ, содержащие упоминание о смертной казни, признать утратившими силу. Соответственно предлагается исключить упоминание о смертной казни в санкциях части второй статьи 105, а также статей 277, 295, 317 и 357 УК РФ.

Часть вторую статьи 46 УК РФ удачнее было бы сформулировать так: «Штраф устанавливается в пределах *от одной тысячи рублей до величины одного месячного дохода осуждаемого лица*». В нынешнем виде данная норма предусматривает под видом штрафа по существу завуалированную форму конфискации имущества, так как установленный законом размер его непомерно велик – «... в размере от двух тысяч пятисот до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет». Согласно строгим канонам теории уголовного права штраф может распространяться только на текущие доходы осужденных, а не на их долговременные накопления (как это могло бы иметь место при конфискации).

Перечень смягчающих наказание обстоятельств предлагается дополнить указанием на *совершение преступления женщиной*, а перечень отягчающих наказание обстоятельств – указанием на *совершение преступления в отношении женщины* (ст. 61 и 63 УК РФ).

Предлагается установить правило, в соответствии с которым пределы наказания, назначаемого несовершеннолетним, сокращались бы наполовину, а взрослым (то есть лицам, достигшим, как минимум, 18-летнего возраста) женщинам – на треть.

Главу 11 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности») целесообразным дополнить статьей 78¹ следующего содержания: «Лица, освобожденные от уголовной ответственности и (или) наказания на предусмотренном законом основании, а также отбывшие за совершенные преступления наказания, признаются в юридическом смысле не совершавшими преступления». Такая юридическая фикция – крайне необходима, так как было бы не справедливым, «отменив» уголовную ответственность за совершенное преступление, не «отменить» само преступление.

Статью 86 УК РФ, устанавливающую институт судимости – признать утратившей силу. Судимость, имеющая своим главным назначением устранение отрицательных последствий совершенных преступлений, в нынешних условиях значительно исчерпала себя. Лицо, полностью отбывшее наказание, как равно и лицо, освобожденное от него на законном основании, должно считаться не совершавшим преступления. Такая юридическая фикция необходима для утверждения правды бытия, состоящей в том, что человек, опорочивший себя неблагоприятным поступком, не может считаться порочным в течение всей оставшейся жизни. Исполнение наказания есть искупление вины, избавляющее человека от ощущения порока и порочности, и государству с этим фактом надо все же считаться.

Главу 15¹ УК РФ («Конфискация имущества») – признать утратившей силу, так как существующий процессуальный инструментарий сам по себе вполне пригоден для изъятия у осужденного имущества, полученного преступным путем.

*Б. Пробелы в нормах Особенной части уголовного законодательства:
преступления против личности*

Что касается Особенной части уголовного законодательства, то, продолжая общий перечень законодательных преобразований, подготовленный с учетом задач более отчетливого отражения в ней гуманитарных аспектов, приведем здесь наши предложения de lege ferenda только относительно блока норм

об ответственности за преступления против личности. Другие относящиеся к Особенной части предложения такого рода еще ждут своей разработки.

Итак, наши предложения о совершенствовании законодательства об ответственности за преступления против личности, продиктованные требованиями более отчетливого отражения в нем гуманитарных аспектов, таковы.

Указание на цель эксплуатации потерпевшего предлагается перенести из части первой статьи 127¹ УК РФ в ее часть вторую, так как торговля людьми сама по себе (безотносительно к наличию названной цели) общественно опасна – особенно если речь идет о торговле детьми или (и) подростками.

Статью 127² УК РФ («Использование рабского труда») – озаглавить «*Организация труда работника с существенным нарушением законодательства, ставящим его по существу в рабское состояние*», соответственно изменив содержание части первой ее. Предпочтительность предлагаемой терминологии заключается в том, что она снимала бы с законодателя подозрения в том, что он, будто бы, плохо знаком с жизнью, в которой вокруг нас – все же *не рабы* и даже *не рабский труд*, а прежде всего достойные нынешнего времени люди, события, дела, состояния.

Часть первую статьи 129 УК РФ предлагается изложить так: «*Клевета, то есть распространение сведений, порочащих другое лицо, истинность которых виновное лицо не может доказать*». Указание в действующей редакции данной статьи на распространение *заведомо* ложных сведений фактически блокирует ее применение и позволяет аморальным личностям по существу безнаказанно клеветать на честных граждан. Одновременно Уголовный кодекс РФ целесообразно дополнить статьей 129¹, которая устанавливала бы ответственность за *преднамеренную* клевету, то есть за распространение *заведомо* ложных сведений, порочащих другое лицо. Возможен и вариант компоновки всей этой правовой материи в рамках одной статьи Кодекса.

Уголовный кодекс РФ важно также дополнить статьей 130¹ УК РФ, которая устанавливала бы ответственность за оскорбление, выражающееся в упреке лица в том, что он совершил преступление или какое-либо иное правона-

рушение, если лицо, виновное в совершении преступления или иного правонарушения, понесло за него предусмотренное законом наказание (взыскание). Наказание (взыскание), если оно отбыто, должно как бы «списывать» совершенное преступление (правонарушение). Иначе лицо, совершившее преступление (правонарушение), в течение всей оставшейся жизни будет считаться находящимся на подозрении у государства.

Часть четвертую статьи 150 УК РФ было бы желательным дополнить квалифицирующим признаком, который состоял бы в *вовлечении в совершение преступления несовершеннолетнего, не достигшего возраста, допускающего привлечение к уголовной ответственности, либо невменяемого*. Мы намеренно говорим здесь именно о преступлении, а не о запрещенном уголовным законом деянии, так как субъект уголовной ответственности в данном случае – вполне «полноценен» (в смысле способности быть привлеченным к таковой), и вовлекает он другое лицо (лицо, не способное в силу малолетнего возраста или невменяемости нести уголовную ответственность) в *свое* преступление.

Статью 150 УК РФ рекомендуется снабдить примечанием, разъясняющим понятие «преступной группы», в которую может быть, согласно части четвертой данной статьи, вовлечен несовершеннолетний. Таковой следует, как мы полагаем, считать организованную группу, преступное сообщество (преступную организацию).

Уголовный кодекс РФ имеет смысл дополнить статьей 150¹, которая специально предусматривала бы ответственность за *вовлечение в совершение преступления лица, страдающего психическим расстройством, не исключающим вменяемости, или не вызывающей невменяемости алкогольной либо наркотической зависимостью*. Возможен и вариант специальной криминализации названного деяния в рамках уже существующей статьи 150 УК РФ.

Статью 151 УК РФ было бы целесообразным озаглавить «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение *правонарушения* или иных антиобщественных действий», соответственно изменив содержание ее части первой. Перечень антиобщественных действий в части первой данной статьи предла-

гается предусмотреть открытым, имея в виду, что перечисление таковых в принципе не может быть исчерпывающим. Это могут быть, например, мелкие кражи, мелкое хулиганство и т.п. К тому же, само по себе более или менее подробное указание в законе на подобные действия может восприниматься криминальными элементами в качестве своеобразной «инструкции по применению...».

Статью 153 УК РФ («Подмена ребенка») – разделить на две части, в первой из которых целесообразно предусмотреть простой состав подмены ребенка, то есть без указания на корыстные или иные низменные побуждения, а во второй – квалифицированный состав этого преступления, а именно состав, *характеризующийся* названными побуждениями.

Статью 156 УК РФ («Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних») – озаглавить несколько иначе, а именно: *«Жестокое обращение с несовершеннолетними»*. Соответственно необходимо скорректировать и содержание данной статьи, имея в виду, что именно в жестокое обращение с несовершеннолетними суть данной нормы.

С учетом того, что, как уже отмечалось, уголовное законодательство обращается своими требованиями прежде всего к рядовым гражданам, важно исключить из Уголовного кодекса РФ все непонятные для них положения, заменив их более вразумительными. Например, нуждаются в соответствующей корректировке примечания к статьям 198 и 199 УК РФ, содержащие понятные только специалистам чрезмерно усложненные формулировки о стоимостных критериях криминализации налоговых преступлений.

* * *

Внесенные предложения *de lege ferenda*, диктуемые потребностями более отчетливого отражения в уголовном законодательстве гуманитарных его аспектов, нельзя воспринимать как исчерпывающие. Дальнейшая работа в данном направлении не только обнаружит целесообразность внесения в Уголовный кодекс РФ и других полезных изменений и дополнений, но и с неизбежностью выявит необходимость принятия вообще нового Кодекса. Истекшее

десятилетие, в течение которого действует УК РФ 1996 года, со всей очевидностью показало, что, несмотря на внесенные в него сорока девятью законами изменения и дополнения (а их уже внесено в Кодекс в общей сложности свыше тысячи), он все еще отстает от потребностей граждан, общества и государства в надежной защите от преступлений, от потребностей страны в прочном правопорядке. Попасть «под преступление» (как равно и «под статью») сегодня можно с такой же достаточно большой вероятностью, как «под дождь», «под ДТП», «под хамство» коллеги или «под грубость» начальника либо собственного взрослеющего сына.

Нужны горькие лекарства для лечения болезни, называемой преступностью. В числе их не обойтись без лекарств типа уголовно-правовых мер. Но эти «лекарства» должны именно «лечить» (а не «калечить»), а поэтому их «горечь» может быть только умеренной. Иначе – медленное, но неуклонное разрушение организма и как закономерное следствие этого процесса – неизбежная смерть. Если преступность – раковая опухоль общества (и лишь отчасти – государства, не способного эффективно бороться с преступностью), то избыточная строгость уголовно-правовых мер – раковая опухоль государства (и лишь отчасти общества, не способного «поставить государство на место»).

В дальнейшем представляется целесообразным установить правило, в соответствии с которым изменения и дополнения вносились бы в Уголовный кодекс РФ не чаще одного раза в год, причем квалифицированным большинством депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, то есть не менее, чем двумя третями ее состава. Законопроекты о внесении в Кодекс тех или иных изменений и дополнений должны заблаговременно публиковаться в «Российской газете» – не менее, чем за три месяца до рассмотрения их в Государственной Думе. Нельзя допускать, чтобы уголовное законодательство, представляя собой нечто вроде текущей (и текущей) правовой материи, уподоблялись бы своего рода «мелкому дождичку», от которого у каждого желающего всегда может найтись свой персональный «зонтик». С другой стороны, законодатель не должен законодательствовать, так

сказать, «в темную», действуя как бы «из-за угла», заставляя граждан как бы врасплох.

Если законодатель, например, отменяет норму, исключаящую уголовную ответственность налогоплательщика, не рассчитавшегося в срок с бюджетом по налогам и (или) сборам, то это отнюдь не означает, что просрочка погашения задолженности есть преступление. Если налоги все же, в конце концов, уплачены, то, несмотря на то, что это произошло с некоторым опозданием – скажем в два, три или даже четыре месяца (но до возбуждения уголовного дела), правосудие должно на данном случае, так сказать, несколько «отдохнуть», экономя силы, средства и время для дел, которые действительно требуют внимания. Нельзя раскручивать маховик уголовно-правового реагирования в отношении фактов, которые не содержат состава преступления. Если такая, с позволения сказать, «практика» имеет место, то у сотрудников прокуратуры могут появиться к инициаторам уголовно-правового реагирования (реагирования, так сказать, на «пустом месте») вопросы, в том числе такого рода – а не «заказан» ли оказавшийся «под статьей» предприниматель конкурентами или охочими до лакомых кусков рейдерами. И тут уж вмешательство в ситуацию с использованием уголовно-правовых средств будет, как мы полагаем, вполне уместным.

Активная разработка проекта нового Уголовного кодекса РФ, однако, не должна торопить само принятие нового Кодекса. Вначале надо обновить Конституцию РФ – с тем, чтобы, опираясь на нее, власть могла удержать ситуацию в стране под контролем, а не «пала смертью храбрых» под ударами невзгод и наемников Березовского.